

Дмитрий СИЛКАН — член Союза писателей и Союза журналистов России; секретарь Правления, член Комиссии по прозе, ответственный секретарь Комиссии по поэзии Московской городской организации Союза писателей России; член Правления Академии российской литературы; ответственный секретарь Клуба писателей метафизических реалистов при ЦДЛ; автор и ведущий передачи «Литературная гостиная» на радио «Русский мир».

«БЛАГОСЛОВЕННЫЙ»

*Много званых, да мало избранных.
(Матв. гл. 20, ст. 16)*

*...нет праведного ни одного;
нет разумевающего; никто не ищет Бога;
все совратились с пути, до одного негодны...
(Римл. Гл. 3, ст. 10, 11, 12)*

Пашеньку неизменно считали мутной личностью, да и вообще, «атеистом-нигилистом по жизни». Одна часть его немногочисленных знакомых уверяла, что он типичное тупое и озлобленно-самовлюблённое существо. Другая фракция, из оптимистов да энтузиастов налаживания межличностных коммуникаций, клятвенно божилась на людях, что Павел, мол, просто педантично меланхоличный и к тому же донельзя застенчивый, даже до духовных даров, каким-де сейчас быть — ну сущий моветон!

Что до самого героя — так тот вообще старался не заниматься разного рода занудными рефлексиями. «Пустое!» — снисходительно хмыкал Пашенька, ощущая, как глубоко внутри рыхлого естества пафосно вылу-

пляется из сердечной коросты таинственный надмирный свет, озарявший склизкие чертоги осиянной требухи неистовой набожностью. А для могучего чувства собственной значимости, распирающего величием грудную клетку, этого было вполне достаточно! В урчащих витиеватыми дольствами телесных недрах хоронилось от чужого глаза угрюмое религиозное дерзновение, решившее не проявлять себя до поры в грешный мир. И лишь изредка Тайна сия Неизреченная начинала — как бы исподволь, играючи да нехотя — генерировать многообещающие намёки на живительный процесс вечного очищения во имя спасения и поддержания в сохранности бессмертной души.

...Первые ростки личной религиозности народились на свет ещё в раннем Пашкином отрочестве. Духовное обращение состоялось столь внезапно и тотально, что ошпаренная дармовой благодатью душа ещё долго съёживалась, страшась открыто взглянуть в разверзшиеся духовные бездны...

Впрочем, начиналось всё более чем прозаически: посредством банальной метеорологической неожиданности! Дождь грянул без всякого оповещения, с отсутствием на то хоть сколько-нибудь достойного основания. Откуда-то из закоулков безобидно-белёсых небес вдруг стал навязчиво погромоухивать гром. Словно из запредельного Небытия налетели хлёсткие порывы ветра, наотмашь стегающие отдельными звонкими каплями — предвестниками будущего ливня... В груди закопошился жутковатый комочек неясных предчувствий, и, особо не раздумывая, пришлось добежать до ближайшего «чего-нибудь с крышей», попавшегося на пути.

Позднее, при попытках глубокомысленных раздумий, Паше всегда виделось преисполненным особой да несказанной Божьей Милости то обстоятельство, что случайным убежищем от стихии небесной стала именно крошечная церквушка, робко приютившаяся между несколькими разлапистыми многоэтажками, раскинувшимися на городском пленере призывной буквой «П».

«Пэ» — это «Павел» значит! Не иначе как — многомудрый знак свыше явлен был! А «три Пэ» — так вообще!» — не раз и не два рассуждал затем наш герой, чувствуя особую распирающую радость от статусности инобытийного символизма.

(Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в тот знаменательный момент он как-то и не особо прочувствовал накатывающую торжественность грядущего действия. *«Да молодой ещё был, неопытный в делах-то духовных! И потом: любая Благодать — она исподтишка даётся, внезапно, без упреждения — но зато сразу напрямиком в лоб! Чтобы особо и раздумывать было некогда!»* — оправдывался затем всякий раз перед собой Пашенька.) Ну а в тот судьбоносный час, притворив за собой покосившуюся кованую дверь, Паша уныло наблюдал в оставшуюся щель блудливую неприкрытость буйства гулко-го летнего ливня...

«Не на то смотришь! Природный катаклизм — суть субстанция мёртвая и безмозгая. Только такие же мёртвые и безмозглые им восторгаются. А вот к Богу животворящему и Всепремудрому — спиною, шельмец, поворотился. Задницей невымытой, можно сказать!» — раздалось вдруг скрипуче-назидательное увещевание откуда-то из-за спины. Паша криво дёрнулся, будто его застали за чем-то таким постыдным, и поворотился. На коленях у лавки скукожился в полуприседе подозрительного вида старикан, невымытый весь какой-то, в стоптанных сандалетах, да ещё и с палкой в руках!

«Да не пужайся уж так! Успеешь ещё страху поиметь в жизни-то своей», — словно пробуравил насторожившего отрока своими незрячими бельмами.

Павел как-то всегда с подозрением относился к сырим да убогим. Мать всегда пугала: будешь, мол, играть со спичками — выгорят глаза на пожаре, ослепнешь и на хрен никому не нужен будешь! Поэтому-то, завидев слепого мужика с белой тросточкой, что жил в соседнем доме, сразу отводил глаза... и боязливо переходил на другую сторону улицы. В этот момент в голове обычно вертелась боязливая мысль: «А вдруг эта напасть заразна?»

«А я вот хоть и слепой, да похлеще остальных могу узреть многое в грешной юдоли», — продолжал старец, склонив вдруг голову вбок и словно обращаясь к чему-то незримому в левом углу. Затем, резко развернувшись к оторопевшему Пашке, прогнусавил с ласковой доверительностью: *«А тебя здесь давно уже заждались. Ещё какое-то время — и потерял бы себя безвозвратно. Нету боле сил Господствам и Престолам удерживать в теле сем неразумном ниспосланное в Дар Великий. Ежели не испросишь прямо сейчас места в Жизни*

Вечной — то закроется Сиятельная вакансия навсегда. Пронесётся Духовная стезя мимо — и настанет неминуемая Тьма в ревущей демонами Бездне, где сгинешь в тоске предвечной, дремучей, неумолимой!»

...Слова незнакомца звучали как-то уж совсем непонятно, но сквозило в его гортанном скрежетании нечто такое, от чего всё внутри содрогалось и съёживалось.

«Ну, а чё надо делать-то?» — неуверенно промямлил Павлик.

«К образу! К образу прииде, да склонись в изнеможении!» — взревел старик и задёргался в конвульсиях. Зрелище было явно не для слабонервных: незванный проповедник хрипел что-то невнятное и испускал из беззубого рта зеленоватую пену с пузырями.

Паша вздрогнул и в испуге припустился трусцой по церкви. *«Образ... Образ...»* — назойливо вертелось в голове, пока кружил бессвязными кругами между закопчённых стен. *«Ну, и где ж этот образ-то взять? Куда он подевался, мать его!»* — в отчаянии чертыхался Павел.

Внезапно услужливо-хваткие руки больно сдавили его за плечи и, что есть силы, грубо швырнули к висевшей на стене фольклорно-лубочной картинке в помпезной золотой раме. Запомнилось, что намалёван был какой-то окровавленный худой мужик с понурым взглядом, одетый почти в такие же лохмотья, как и у калечного церковного старичка. *«Родственник он ему что ли?»* — мелькнула странная догадка...

«Взывай к Отцу смирения, неразумный! Взыскуй, пока возможность любезно предоставляют!» *«Терновый венец»* твой Образ называется. Хватай, пока дают — да тащи что есть мочи в захламленные чертоги своего неразумного сердца! Чуден, чуден Господь, коли таким, как ты, Благодать неизреченную посылает... По мне так следовало тебя, скудоумного, к образу *«Поцелуй Иуды»* предначертать!» — раздался за спиной гневливый глас пришедшего в себя старца.

Паша с недоумением поднял глаза на старательно выписанное, но закопчённое от ветхости полотно и... словно подавился влетающими эманациями пугающей запредельщины. В груди что-то сильно сдавилось, запузырилось... А дальше произошло и вовсе что-то несусветное...

Во всяком случае, в воспоминаниях не сохранилось никаких слов — одни лишь отрывистые, хаотично шатающиеся по мозговым полушариям эмоции.

Внезапно вспыхнули пунцовым жаром щёки, надрывно застучали виски, в горле запрыгал удушающий комок... Где-то в глубине груди словно бы разорвалась новогодняя хлопушка, и обжигающие жалящие конфетти заискрились по всему телу...

«Господи, Бог мой единоутробный...» — простонал Паша неведомо откуда возникшую в голове фразу и обессилено добавил, пытаясь на излёте сил защититься от накатывающего наваждения: «а какого чёрта тут...» Но мысль закончить не успел, но, словно подкошенный, рухнул на колени.

«Кайся, касатик! Возопий сердцевиной нутра: мол, грешен, Господи, грешен! Мол, больше не буду втихую да задарма жизнь просерать!» — словно бы из тумана всплыл знакомый голос Старика-покаянца. Но на этот раз тон вещаемого назидания превратился из обличающего — в помпезно-торжествующий, под стать парадности свершающегося таинства.

«У-у-у, бли-иин! Грешен, Господи... Господи, грешен...» — затараторил в иступлении Пашенька подсказанную скороговорку, и обильно народившиеся слёзины засуетились по щекам. И словно бы куда провалился, в жуть несусветную — где подкидывало и переворачивало жгучей иступлённой волной, обдавало нестерпимым жаром и разящим студёным холодом.

Когда же вдруг вырвался от цепких объятий накатившей доселе неведомой Благодати, то обнаружил прямо перед собой склонившийся трясущийся затылок с засаленными седыми прядями. Столь неожиданно проявившийся наставник-в-покаянии глухо стонал и непрерывно бормотал с капризной укоризной: «Помазанник ты, никчёмный мир тебя задерит! Потому как крещёный милостию горнею и благостию неизреченной. А на хрена тебе это, упырю? Бог Животворящий был даден, да только не задержится Он в тебе надолго! Бо как расплескашь Его, растрянжиришь в тщиете мирской, суетной...

Ну, Господь, и на черта такие роскошные подарщица скудоумным? А я вот, смиренный, до праведности и святости аж до дрожи охочий, окрещён был батюшкой, который вскорости расстрижен был. За грехи плотские да содомские... И водку, шельмец, бухал: как открылось — так, что аж задница трещала! А мне, рабу Божьему, по смиренномудрию да целомудрию своему — разве то ведомо было? Э-эх! А теперь всю жизнь свою никчёмную пытаюсь стяжать то, что тебе, лоботрясу, задарма на голову вывалилось!»

...Окончательно придя в себя, Пашенька вдруг с ужасом обнаружил, что «в сем грешном мире», кроме обильно размазанных по лицу слёз и соплей, также конфузно наличествуют и обмоченные в бессознательно-сумеречном состоянии штаны.

«Да пошли вы все, с такими-то приколами!» — в сердцах крикнул Новообращённый и стремглав выскочил под не успевший ещё подустать сумасшедший июльский ливень...

Пока бежал до дома, мощные потоки живительной небесной влаги смыли следы собственных, так некстати приключившихся, испражнений. Так что на родимый порог влетел хоть и запыхавшийся да негодующий, но зато вполне «респектабельно» мокрый.

«Мать, это что ещё за фигня: так я крещёный что ли?!» — раздался возмущённый рёв, в котором чувствовались и жгучая обида за подобную подставу, и разочарование в «научном атеизме и пролетарском интернационализме», и боль утраты смиренной духовной невинности. Родительница удивилась, даже сначала не на шутку перепугалась. Но затем нехотя создалась, что, мол, «был грешок — окрестила дитё в беспамятном младенчестве». Причём втайне от всех, так как была тогда «освобождённым» образцовым комсоргом ткацкой фабрики.

«Страшно было крестить, жуть просто! Ну, подумай: если бы узнали в парткоме — то обратно бы за станки вонючие, жужжащие поставили», — с виноватой улыбкой оправдывалась мать. — «Ведь хилый ты был очень... Болел всё время... На ладан дышал... Один раз в реанимации еле откачали... А доктор наш детский, участковый — на голову больной был. Только всё за задницу меня ухватить норовил, да намёки делал пошлые: мол, что тебе этот болезный выродок — давай я тебе нового забабашаю. Ой, да что говорить — не на кого надеяться! А так хотелось помощи, ну хоть какой-нибудь! Тут вот соседка-пьяница и насоветовала, что, мол, у них под Владимиром батюшку в сельский приход прислали — так тот прямо чудеса с паствой своей творит. От всего исцеляет: руки страдальцу на голову положит, пробубнит чего-то там на своём, на древне-невучем — и всего делов!»

...В процессе покаяния прародительницы выяснилось, что умело-чудодейственные ручки свои талантливый Служитель культа накладывал не всем. Но

прикладывался исключительно лишь на крещёные головы... Все остальные, некрещёные или партийные, мол, «сами пусть выкручиваются, как знают». А так как лечиться хотелось всем и на любых условиях, то креститься повадились все страждующие и жаждующие, целыми микрорайонами.

«Прикинула, что всё одно: не так уж и дорого обойдётся, тем более что за само крещение-лечение батюшка денег не брал из принципу! Взяла вот три дня за свой счёт да и съездила к нему», — поведала мамаша, с умилением вспоминая былое. — «Ладно ни копейки не взял... Но ещё и накормил задарма, ночлег в сенях определил на раскладушке. А ещё ведь и от бутылки хорошего коньяку наотрез отказался — ну, святой человек, что и говорить! А на прощание всё ораторствовал заливисто, в небо пальцем тыкал да велел каждый год в гости наезжать. Мол, отвечает теперь за тебя... Лично перед Богом самим... Адрес записал мой, с паспортными данными. Да только вскорости его в Туркменистан услали, в забытую богами епархию. Правда, и оттуда мне письмишко прислал, с адресом. «Привезите, мол, чадо моё духовное. Окормлю я его!» Да только после того батюшка тот и вовсе сгинул... Ни слуху, ни духу... Злые языки говорили, что «пошёл по расстрельной статье», за религиозную пропаганду и мистическую агитацию!»

...На следующий день воодушевлённый Пашенька снова заявился в храм. На этот раз — уже с твёрдым выстраданным намерением «приобщиться по-серьёзному: ну, крестик там купить, книжuleк всяких, да и всё такое... Да вот только незадача — церковная лавка оказалась закрыта...

«Деньги пошла менять давеча... Обожди малость, если даст Бог, то найдётся ещё и назад вернётся, ведь все под бдительным божьим оком ходим!» — доверительно, на церковнославянский распевный манер увещевала подвернувшаяся богомольная старушка. Павел внимательно и придирчиво обследовал каждый закоулок сумрачного храма. Но косматого слепца что-то нигде видно не было...

«Наверное, нерабочий день у него, расслабляется, отдыхает где-нить, — мелькнуло в голове. — Да оно, может, и к лучшему! А то резвый он что-то больно. Того и гляди — с ним и грыжу от молитвы надорвёшь. С непривычки-то! Я уж лучше сам как-нибудь...»

Побродив ещё немного по местам своего вчерашнего паломничества, Пашенька почувствовал себя как-то неуютно. Гулкая серая плитка на полу отдавала могильным холодом, свечной полумрак неприятно давил на глаза, а приторно-едкий запах ладана вызывал приступы тошноты...

«Да ладно, успеется! Никуда вся эта витиеватая трихомудия от меня не денется», — пробилась ленивая мысль, и «удачливо вновь посвящённый» нехотя побрёл к выходу.

...Однако с того самого дня где-то под ложечкой стало ощущаться странное, но величественное Незримое Присутствие Неведомого. Первое время Павел с восторгом и гордым упоением по сто раз на дню жеманно переспрашивал: «Это ты там, Господи?» И с чувством окрылённого довольства наслаждался бесчисленными утвердительными ответами.

Хотя довольно скоро Паша уже порядком подустал от столь назойливых проявлений «небесных ухаживаний» и лишь вяло цедил сквозь зубы: «А-а-а, опя-ять ты-ы... Ну, чего хотел-то?» Хотя вопрос был картинно-риторическим, исключительно для самолюбования миру явленный. Ведь «хотели» от него почти всегда одного и того же: молитвенного лицезрения, «благостного ощущения», истового алкания и пристального самоуглубления в незримые душевные чертоги.

«Да, блин — так не годится, опять хрень какая! — недовольно бормотал про себя «взыскующий даров». — Хватит докучать уже разными глупостями... Сам себя вот лицезрей, если больше заняться нечем. А мне — что толку на тебя зазря пялиться? И какой смысл в душе ковыряться? Хорошего всё равно ведь не накопишь. Так, муть всякая... Чужая душа — и то потёмки. А своя-то — так и вовсе... Эхма! Тьма непролазная!»

Мать, конечно, сильно пужалась поначалу: дитё же всё не ест, не спит как подобается — а лишь нервно дискутирует где-то в углу, причём само с собой. Несколько раз хотела даже вызвать психушку-неотложку. Но вскоре тихо смирилась: ну, раз, мол, выкрестила на свою голову, то чего теперь жаловаться?

...Но где-то через год с небольшим сие тяготящее докучало отпустило, наконец, исстрадавшегося Пашку. Но только после того, как состоялось ещё одно «посвящение».

Правда, на этот раз «храм» был несколько другой конструкции, с иными декорациями. Хотя тоже довольно экзотического антуража: заплесневелый

подвал, разбросанная старая рухлядь, высохшие мумифицированные крысы, ржавые и мерно протекающие трубы. И как эпицентр, своеобразный алтарь — грязный полосатый матрас с торчащими во все стороны кусками выщипанной серой ваты.

Пашеньку прихватили зачем-то с собой десятиклассники. Может, как проявление шефской помощи младшим классам. А может, и по неизреченному промыслу свыше (или «сниже» — кто уже сейчас разберёт?).

Его очередь была последней, седьмой, как у самого младшего. Девицу эту он несколько раз уже видел около школы, но даже не знал, как зовут сию «принцессу» и откуда такое сокровище на свет божий вылезло.

Для Павла вся волнующе-трепетная процедура свершалась в первый раз, но, жутко нервничая, он усиленно пытался напустить на себя вид «опытного, да стрелянного — при всех делах там!» Небрежно стоял, опёршись плечом о пыльную стенку и держа руки в карманах, судорожно насвистывал бодрый мотивчик, пытаясь загипнотизировать оторопевшим взглядом серый в грязных подтёках потолок. Его так и подмывало понаблюдать за «творящимися внизу безобразиями». Но, во-первых, как-то боязно было. А во-вторых, уж больно не хотелось выглядеть желторотым новичком! Хотя, судя по раздающимся странным звукам, на таинственном матрасе происходило что-то очень стремительное и крайне мистическое, явно — «не от мира сего»!

Когда же, наконец, дождался законной очереди и торжественно водрузился на распятой вождедении тёплой девичьей плоти, то последняя была уже изрядно измочаленной, мокрой и липкой... Счастливая обладательница «все-го этого дела» прерывисто дышала, время от времени натужно сморкалась в платочек с заботливо вышитыми цветочками и томным простуженным голосом подгоняла: «Ну, живей давай!.. Чего там телишься?»

Павел долго примерялся, расшаркивался, деловито сопел да возился с застёжками брючного ремня. Чуть не упал, стягивая носки, долго не мог определиться, кому бы на время доверить нервно стянутые семейные трусы (поэтому несколько раз складывал-перекладывал их в руках, а затем нервно бросил под ноги).

...Видя такую неповоротливость и тормознутость, старшие товарищи по мистериальному подростковому сексу буквально под руки водрузили его

на начинающую уже нетерпеливо поругиваться матом потно-изнеженную плоть. Не зная, с чего начать, Павел нервно заелозил на объекте своего Первого высокого чувства, мучительно вспоминая по «взрослым» анекдотам порядок необходимых действий. При этом почувствовал, что ниже пояса весь измазался каким-то вязким тёплым клеем — зримым воплощением нервных «любовей» своих более опытных предшественников.

Спустя полминуты что-то робко закопошилось внизу живота и почти сразу «это что-то» заволокло странной мерно покалывающей сыростью. Никаких других ожидаемых эффектов — увы! — не последовало...

Конечно, чувство собственного нерастраченного достоинства с возмущением уговаривало не сдаваться. Поэтому-то и старался он ещё довольно долго: злился, недовольно дрыгал левой ногой, время от времени извергал неприличные эвфемизмы из школьно-народного фольклора. Но почему-то всё никак не мог ни достойно начать, ни тем более — благородно закончить в попытках инициированный процесс...

«Ну, ты там! Заколебал уже... — просочился снизу вяло-недовольный голос. — Давай, разродись скорее! А то ведь устала ждать уже!»

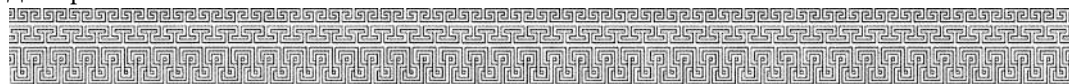
Казалось, в этом стыдливом конфузе пронеслась целая вечность! Пока, наконец, под беззлобно-снисходительный хохот вновь испечённого бойца сексуального фронта бесцеремонно не спихнули прямо на грязный бетонный пол.

На этом Великое Земное Посвящение закончилось, оставив от себя лишь щемящее чувство Вечного Пробуждения невостребованного семени, что осталось клубиться и клокотать в поисках благородного выхода в свет...

...Больше, пожалуй, из всей юности так ничего и не запомнилось. Да и дальше — лишь какие-то бесформенные блики. Как в ядовитом тумане: экзамены, институт, диплом... Опять институт, но на этот раз — проектный, секретно-оборонный.

«Бронь» от армии, размашисто выписанная, как незаменимому работнику военно-промышленного комплекса. Затем отчаянные попытки её сохранить и «откосить» от пугающей таинственными тяготами строевой службы... Подобострастное расшаркивание перед начальством и предупредительно-вежливое подхихикивание поднадоевшим анекдотам...

Где-то незадолго уже до окончания призывного возраста — подвернувшаяся по случаю прыщавая толстушка из соседнего отдела. С бородавками на ушах, необъятной задницей и неуёмным чувством юмора. Странное празднование Нового года вдвоём — в алкогольном угаре и равномерно размазанном по стенам прихожей салате оливье... Дальше — демонстративно-увещательные слёзы: «*Я вся беременная теперь от тебя, козёл!*» (вкупе с гневно-влиятельными родителями так некстати подвернувшейся новоиспечённой Подруги жизни). Вызовы в различные высокие кабинеты, угрозы «снять к чертям собачим бронь» и заслать в армию — «к белым медведям, в стройбат на берег моря Лаптевых». Сумбурно-водочная свадьба. Выковыривание из обёрточной бумаги аляпистых чайных сервизов поутру — после брачной ночи, проведённой в полной отключке. Рождение первенца... Через пару лет — ещё и «вторвенца».

И масса каких-то мелких неопределённостей и бытовых неурядиц, заполняющих отпущенное время жизни бессмысленными суетными заковырками.

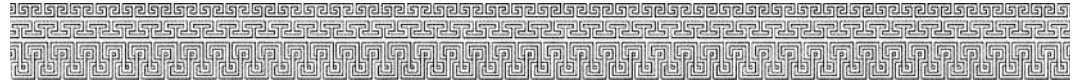
...Самое обидное, что у Павла Владимировича за всё время образцового среднестатистического брака так никогда и не получалось внятно, в деталях, вспомнить сакральный процесс супружеского соития. Ведь всё это «грузное великолепие» происходило не иначе, как после принятия изрядной дозы горячительного. Может быть, именно поэтому всё никак не удавалось отследить и запомнить собственно сам процесс эякуляции. Ведь обычно проваливание в хмельной сонный ступор происходило гораздо раньше.

«Супружеские обязанности» вязли в беспросветной житейской обыденности и как-то незаметно скукоживались и высыхали, едва начавшись. А чаще не происходило совсем ничего: алкогольный дурман заботливо выстилал собой унылую семейную реальность... И робкие мечты о счастливой интимной жизни обиженно расплзались по одиноким норкам Небытия...

В трезвом же состоянии Паша так и остался пугливым мальчуганом и продолжал «нервно насвистывать в потолок». Для него было как-то совсем немислимо и дико — в здравом уме и ясном сознании начинать домогаться чего-либо от пугающего своей запредельной таинственностью женского тела.

...Как праздник для одичавшей души — временами накатывали сладостные сновидения... Грезился ослепительно яркий Божий Храм. И в нём, весь уку-

танный клубящимися кучевыми облаками, Павел Владимирович наконец-то осуществлял давнишнюю потаённую мечту: восторженно покупал сияющий нательный крест из благородного металла (под победные фанфары Ангелов, усердно дующих в Небесные трубы).

А грозный слепой старик из давних и уже порядком размытых детских воспоминаний торжественно затягивал потуже тот лучезарный крестик на шее триумфатора.

Обычно слепец выглядел как персонаж светской тусовки: в тёмных очках с золочением, при дорогих швейцарских часах и виснувших на шее губастых нимфетках с декольте во всю силиконовую попу.

Вокруг толпились какие-то восхищённые зрители во фраках, а также грозные громилы-охранники с рациями. Первые — яростно аплодировали и нервно выкрикивали здравицы, а вторые профессионально озирались по сторонам и брутально перебрасывались между собой короткими междометиями...

Паша млея, довольно поглаживал лоснящийся на груди религиозный атрибут и раскланивался в гордом смущении. Море цветов, крики «браво», вспышки фотокамер, восхищённые взоры светских тусовщиц... Ну, прямо какое-то вручение Пулитцеровской премии в номинации «Выдающиеся Небесные заслуги на земном поприще!»

Но самое странное — сон был до обидного однообразным. Безо всяких там свободных вариаций. Один и тот же сюжет в привычном до тошноты антураже повторялся в дежурных ночных грёзах бесчисленное количество раз. Хотя и кончался, уже традиционно, приятной истомой в коленных суставах и вялой ночной поллюцией.

...Хотя временами свершалось и Волшебство. Длинными одинокими ночами накатывал и всецело завладевал сознанием ещё один сон: неприлично эротичный и потому — неистово желанный. Этот заявлялся не чаще, чем раз в год, и снился каждый раз по-разному... Вонючий подвал из шалопайского детства претерпевал странные метаморфозы и от ночи к ночи всегда превращался во что-то новое, таинственное и манящее. Вырастали экзотические пальмы со свешивающимися с них пахучими лианами, густо залепленными орхидеями. Воздвигались мучнистые баобабы — с лениво оплетающими их

ствол гигантскими удавами. Откуда-то накатывали диковинно мерцающие оранжевые волны прибое, обволакивающие бархатистыми переливами и торжественно несущие в лучезарную даль — к месту действия очередного сакрального акта...

Это мог быть забытый богом снежный утёс под одичавшим полярными звёздами. Или затерянная в дебрях джунглей пещера: с рубиновыми стенами да причудливо свисающими алмазными сталактитами. Или вообще — полностью фантастическое пространство, наполненное вибрирующими и печально позванивающими серебряными нитями, в которых сновали обжигающие молнии и неопознанные астральные сущности.

Иногда интерьер Ночной Мистерии был более изыскан. Например, жертвенный храм Майя времён первых конкистадоров. Или заброшенная хоральная синагога эпохи свирепствования Испанской инквизиции. Или чердак первого Конгресса США — в ночь перед подписанием Декларации независимости. Неизменными, словно бы варварски вырванными из контекста каждый раз по-новому самотворящейся Вселенной оставались только полосатый ободранный матрас с грязными пятнами да малолетняя шалава, лица которой Павел за давностью лет даже уже и не помнил.

...Впрочем, всё это было и не особенно важно... Красочные картинки проносились в стремительном темпе, неизбежно приближая к Предначертанному финалу. Ведь каждый раз кульминацией чудесного сна становился Его Величество Процесс Семязвержения — превращавшийся в какую-то воистину глобальную Вселенскую манифестацию ликующих бесплотных сущностей. Расплывчато-неясная женская плоть расплывалась ковровой дорожкой под ногами, размазывалась ровным масляным слоем по интерьеру, размывалась в бесформенном мираже, стремительно пикировала вверх, расслаивалась на частицы и вновь собиралась в некотором отдалении. А воодушевлённое Извечным азартом Семя взбрызгивалось под разными углами, различными порциями и консистенциями. Но всегда — не меньше дюжины раз за сон...

Фонтан жизнотворящей жидкости превращался в неистовый неиссякаемый гейзер, упруго заполнявший собой сначала тесное пространство подвального мирка, затем — выплёскивающийся наружу и затопляющий собой

странные очертания инопланетных стран и материков, и, наконец — разрывающий глобальную структуру пространства и рвущийся ревущей бездной за пределы видимой вселенной...

Беспутная «Первая любовь», с неизвестным именем и начисто стёршимся из памяти образом, пыталась схорониться от подобного губительного напора змейкой под матрас, удрать пугливой обезьянкой вверх по лианам, прошмыгнуть мышкой в трещины пола, ускользнуть крохотной рыбкой в невесть откуда появляющийся водопад. Но уверенный в собственном высочайшем предназначении Павел-самец каждый раз надменно настигал беглянку, потечески снисходительно пенял на «несознательность» и... величественно оплодотворял её с назидательной важностью!

...Хотя, за пределами ночи — в привычной обыденной жизни — он так и не купил себе крестика. Да и не имел связей с женщинами на трезвую голову. Жена — так вообще воспринималась как некая назойливая, но непреложная данность — как капризная погода или неумолимое облысение. Эротического энтузиазма «дражайшая половина» давно уже не вызывала, хотя и бросать, в общем-то, Подругу Жизни было вроде как жалко. Ведь вне унылых супружеских уз Павел Владимирович просто уже и не представлял столь привычного и размеренного житейского быта.

Дети ни на йоту не были похожи на перманентно недоумевающего по этому поводу Пашеньку и, сколько их помнил, были заняты чем-то сугубо своим. А посему и воспринимались лишь как непреложный атрибут социальной активности.

Иногда, ещё когда играть в весомый отцовский статус не надоело до коллик, приходилось уныло теревить в руках школьные дневники нерадивых наследников. Поднимать палец к небу и, чеканя слог, размеренно вещать о высокой духовной цели и великом человеческом предназначении. Неловкость, возникающая обычно в такие моменты, была сродни досадному отсутствию семязвержения.

...Так и не поддавшись заботливо-назидательному отцовскому воспитанию, отпрыски выросли и ушли, кто куда... Жена ссутулилась, обмякла, поизносилась и не вызывала позывов на интимную близость даже после нещадной дозы привычного алкоголя.

Во время трансляции кубковых футбольных матчей или визгливых теледебатов о политической ситуации в стране — стало по-партизански прихватывать сердце. Щемилось, сдавливалось — словно бы требуя для себя чего-то неясного. Геморрой, гастрит, простатит и прочие подобные «радости жизни» осаждали назойливой балаганной кампанией.

С каждым днём всё настойчивее свербила мысль о покупке нательного креста... Да и вообще: «Приобщиться, наконец, всяко-разным духовным дарам, чтобы как у порядочных людей — основательно и по-крупному!»

Но всегда находились другие, не менее важные дела. То пришлось заниматься перманентно-нескончаемым ремонтом дачи. Потом её усердно пытался продать, чтобы подсобить детям с деньгами. Дальше понадобились зубные протезы... Потом лечился у проктолога... Съездил позагорать да помочиться в море на Кипр... Переклеил обои в прихожей... Вступил в Союз потребителей средств связи... Сводил внука в зоопарк... Чувствуя приближение заветного «возраста дожития», загодя подписался на еженедельный журнал «Пенсионер». Да мало ли забот!

Хотя однажды, одутловатый и уставший от семейных забот, Пашенька всё же заглянул в попавшийся под горячую руку Божий Храм. Деловито осмотрел предлагаемый ассортимент товаров «духовного назначения», со знанием дела приценился и даже повертел парочку приглянувшихся экспонатов артритными пальцами... Но дешёвые крестики показались ему слишком «несерьёзными», а на дорогой, из золота, просто было жалко таких денег.

«Да ладно. В другой раз. Успеется!» — успокоил себя «взыскующий даров» и с сознанием выполненного долга чинно удалился восвояси.

* * *

...В то примечательное утро он проснулся не по обыкновению поздно. Было как-то непривычно тихо и складно на душе.

«Э-э-эх! Душа божья, благодатная... Намучилась, грешная, пора и честь знать!» — протяжно пронеслась в пустынных просторах мозга непонятно откуда залетевшая мысль. На какое-то время охватила странная одуряющая оторопь.

«Живей! Теперь — к Богу! А то заждался, нет сил уже Ему большие терпеть», — зазвенел занудный побудительный посыл, обречённо трепыхавшийся где-то в области шейных позвонков. Наскоро набросив одежду и даже не став по обыкновению завтракать, Павел Владимирович заспешил вон из дома.

«Храм, храм... В храм Божий бежать нужно!» — настойчиво стучал в висках неведомый голос. К удивлению, ближайшее культовое сооружение оказалось буквально в соседнем дворе.

Вообще-то ещё с детства Паша помнил это сероватое строение как котельную. Правда, с вычурными «васнецовскими» окошками и неестественно округлой крышей. Теперь же вдруг здесь объявился восстановленный, готовый к повседневному бытовому употреблению аккуратный соборчик. («Когда только успели?» — мелькнуло в голове.)

Время, однако, было «неслужбное», а посему на массивной, окованной хромированной нержавеющей двери сурово завис внушительных размеров амбарный замок.

Захотелось было разочарованно развернуться, очередной раз отложив визит к Богу «как-нибудь на потом». Но странно-пронзительное чувство в области пустого желудка вдруг неумолимо потянуло вглубь благодатного строения...

Замок неожиданно легко поддался, и дверь, протяжно охнув, приотворилась. Внутри, среди муторного полумрака, прорисовался из небытия лишь усатый сторож, восседавший на разбитой табуретке. Скорбно уставившись куда-то в пространство за алтарём, он напоминал уставшего от вечных вопросов египетского сфинкса, мечтающего о сытых пенсионных радостях.

«А где батюшка-то? Покаяться желаю — если было, конечно, чего... Да и крест животворящий вот хочу себе торговать», — бойко начал Пашенька, но обмякший от бесплотных размышлений страж лишь странно взглянул сквозь него и с усталым вздохом понуро закатил глаза.

...В этот момент от стены отделился чёрный силуэт священника. С каменным лицом тот подошёл к пришедшему за обращением и, не глядя в глаза, тихо спросил: «А чего теперь здесь-то ожидаете?» От неожиданности Пашенька громко икнул и начал, запинаясь и озираясь на расписанные образами стены, бормотать что-то несвязное: «Да вот... Благодать вроде как

имею. Регулярно... В различных консистенциях. От первородного крещения. Маменькинова. Царство ей небесное... Пришёл причаститься Святых Даров. Потому как алкаю. Хочу дух стяжать. И всё такое... Отмолить там, если чего за мной ещё числится... А ожидаю чего? Ну — так, как по Писаниям: чаю! В смысле — чаю воскресения мертвых и жизни будущего века, аминь... И вроде того...»

Батюшка понимающе покачал головой и жестом пригласил следовать за собой. Подойдя к Царским Вратам иконостаса, он рывком распахнул золочёные дверцы и невесело произнёс:

«Не этого ли чаете? Ведь всё остальное теперь для вас закрыто до скончания Вечности! И лишь если только по милости Неизреченной откроется!»

У Павла Владимировича перехватило дыхание. За створками растекался во все стороны лишь чёрный, пугающий леденящей бездушностью космос. С мерцающими крапинками тусклых звёзд.

«Слушайте и внимайте. К особому этапу своего бытия вы подошли, любезный, — неторопливо начал Служитель. — Теперь всё пространство вокруг вас наждачной бумагой обернётся. Истончаться начнёте, с каждым движением. Слой за слоем сходить начнёт — пока не выйдете полностью из себя вон. И чем тоньше будете становиться — тем меньше страха останется. Ведь себя-то уже как «самого себя» ощущать не будете.

Ада можете не бояться — кто же для таких странных сущностей устраивать-то его будет? Чертям да бесам то без надобности — им со товарищей по скорби их вселенско-бунтарской подавай! А вы, пардон, себе-то не интересны! А для них, для дьяволов суетных, и вовсе смертельно скучны будете. Им тоски безвременной и без вашей суетной обыденности хватает!»

Слова нежданно напросившегося на заумные увещевания культового гида звучали как-то странно, отдавая давящей укоризной: *«Ну, а Рай... Так это вообще вещь изысканно-тонкая, в людском понимании — иносказательная! Да в силу инаковости Высшего Промысла, для вашего куцега понимания вроде как и не существующая вовсе... Хотя никто там ворот не запирает и не охраняет. И пропускной режим не налаживает. Хотя сами-то Врата Эдемские и вполне себе наличествуют. Нашёл — открывай, открыл — входи, вошёл — иди дальше, идёшь — не останавливайся!»*

...Пашенька вдруг почувствовал, что волны чужого голоса уносят его куда-то очень далеко, за призрачную грань видимого бытия. Туда, где все слова теряют свой первоначальный смысл, застывая бесформенными каменными монолитами в бездушной, безжизненной Вселенной. Лишённой чувственно-го наполнения и осознанного осмысливания.

А незнакомец в рясе всё продолжал угрюмо наговаривать свою тягучую проповедь: *«А само Царствие Небесное — на Восхищении и Удивлении Божеском зиждется. Но вас ведь уже ничем не пробрать, ничего нового не покажешь. Просто не увидите ничего — вот и всё! Сами захотите «не узреть», ибо наполнен сосуд до краёв. Бесмысленности да бездушности пустотой наполнен, но больше всё равно ничего не втиснуть...»*

Одного жаль, что от отчаяния да скудоумия истончитесь гораздо гнуснее и тягостней, чем то было в последний срок жребием предначертано. А потому, чтобы сосуду вашему хоть напоследок сделать бы крышку приличествующую, крещению отца Серафима-чудотворца достойную, подскажу один момент... *Искупительный. Да и для уходящей во мрак Небытия души — утешительный.*

Слова Служителя иконных умозрений звучали как-то не по-доброму — обличающе и уничижительно: *«В соседнем городке, что в сорока километрах, при вокзальном буфете живёт одна бомжичка, душа заблудшая. Жалеют её... Тарелки там мыть пытается, полы грязной тряпкой елозит, по ночам караулит, чтоб не залез кто... Все зовут её просто Веркой. Но то для мира преходящего, а для Вечности надлежит вам называть уважительно — Верой Андреевной. Она — та самая Первая любовь и есть, какую вспомнить всё силились. И теперь Последней любовью станет... В таком запустении она сейчас, что любому забулдыге-мужичонке радуется. Да только не нужна теперь никому. Никто уже давно не зарится, даже в изрядном подпитии!»*

Внезапно повысив голос и бесцеремонно перейдя «на ты», непрощенный советчик стал требовательно увещевать оторопевшего от неожиданных новостей Пашеньку: *«А вот ты должен войти в неё абсолютно трезвым и осознанным. И обязан испустить семя своё, что копил бесцельно многие годы. Не пригодилось оно, не сослужило службу миру сему дольнему. Дети твои — не от тебя пошли, а люди добрые помогли!»*

Верка та — бесплодная уже давно. Да не в том уж дело... Через сие вхождение — вступишь в примирение с любовью вечной, страстью тварной. Успокоишь Душу свою плотскую. Получишь наконец-то, что тебе по праву земного рождения уготовано было. Да и Мать Сыра Земля порадуетя хоть разок от тебя напоследок...

Ну, а с Богом Единым... Боюсь, что отныне навеки станет закрыт для тебя Лик Его. Тут ни единения, ни противостояния. Ничего! Разошлись, прошли мимо, путями разнящимся — так и не встретившись! И теперь — разлука горькая, во веки веков. Не видишь Его, в упор не видишь — посему и Он тебя, по милости Своей внемирской, видеть не сподобится... Хотя и оба страдать будете от неумолимости предначертанного!»

Словоохотливый чернец внезапно замолчал и стал нервно вглядываться куда-то за спину Пашеньки.

«Быстрей, быстрей!» — доверительно шепнул он на прощанье. — А то уже явились по душе бесхозную. Эти, окаянные. Из самых оголтелых... Корысть имеют гнусную — выгрызть наживую остатки Серафимова благословения, что не успело ещё истечь в клоаку болота небытийного».

...Ошарашенный свалившимися на голову туманными откровениями, бедный пилигрим выбрался из храма уже в полуобморочном состоянии. Грузно опустился на холодные каменные ступени у входа и задрал голову вверх. Твердь Небесная была тиха, пустынна и отстранённо задумчива. Никаких «знаков свыше» не проявлялось, однако на миг показалось, что незримые скользкие щупальца из-под стылой земли неспешно, но настойчиво обхватывают ступни. Повинуясь неясному томлению, Павел Владимирович резко сорвался с места и заспешил на странный акт соития, напороченный как неотвратимое и неизбежно-необходимое Вселенское действие.

Добирался он, казалось, целую вечность! Электричка вязла в киселеобразном пространстве и, казалось, временами начинала двигаться в обратном направлении. В висках стучал надрывный пульс, и чей-то вкрадчивый голос увещательно звенел в ушах: *«Жизнь, жизнь спасай! Впиши судьбину никчёмную, бесцельную в Вечность незримую! Про душу-то уж и не вспоминай теперь — не спасти окаянную, вышел срок предначертанный!»*

Пашенька ожесточённо мотал головою, стараясь, видно, вытрясти надоедливый Внутренний глас. Пытался даже бубнить про себя молитвы. Правда, на память ничего путного не приходило. Лишь время от времени некстати всплывал кусок торжественной пасхальной проповеди, услышанной по случаю в новостных блоках телевизора: «*И кто постится, и кто не постится — да возрадуются все!*» Но это было что-то узко боготребное и не совсем к месту. Во всяком случае, как-то не очень подходило для сеансов самоэкзорцизма.

...Привокзальный буфет оказался ну просто на редкость вонючим и обшарпаным. Казалось, с десятков дизайнеров специально трудились в поте лица, чтобы достичь подобного эффекта «мерзости запустения». Посетителей не было, из персонала — только дородная бабища, умильно дремавшая на кассе. В воздухе царствовал захтлый запах подпорченной провизии. Затрапезная кафешка гордо проявляла себя как незыблемый языческий храм, как самодостаточная «вещь-в-себе», не предназначенная для описания меркантильными земными определениями.

Беспрепятственно зайдя в служебные помещения, Павел Владимирович начал методично обследовать каждый заплесневелый закуток, в полной уверенности, что объект его вынужденных вождедений находится где-то рядом.

Ожидания оправдались довольно скоро. Из тёмного угла с брошенными в беспорядке сломанными швабрами и помятыми вёдрами раздался скрежещущий шорох и неясное бульканье. Груда ветоши зашевелилась, и из-под неё стали доноситься отрывистые всхлипы вперемежку с гнусавыми матюгами. Наконец нечто, отдалённо напоминающее матрёшку в ватнике, явило себя на Свет Божий и испуганно завращало глазами.

Откуда-то возникла полная уверенность, что поиск оказался удачным — может, почувствовал что-то из далёкого детства? Нисколько не смутившись — и откуда только взялась такая твёрдость духа? — Павел Владимирович деликатно кашлянул и представился. А затем, видно, по привычке, добавил зачем-то к своему имени и фамилии заковыристую «престижесодержащую» фразу: «*Главный инженер-технолог предприятия, ведущий специалист отрасли, отмечен медалью и званием «Ветеран труда»*». Однако ожидаемой реакции не последовало. Существо молчало, громко сопело, беззлобно матю-

галось и почему-то испуганно-напряжённо вслушивалось куда-то в дальний угол. Представившись ещё разок (уже без перечисления регалий), но так и не дождавшись ответа, Пашенька ослабил галстук и начал деловито расстёгивать брюки.

...Вонючее создание под ним ошарашенно вращало округлившимися глазами, гулко охало и время от времени отчаянно взывало: «*О, господи, что за напасть такая? Это всё мне?! Боже, за что? А сюда-то зачем?*»

Павел Владимирович же методично осуществлял Предначертанное, жамкая в руках обвислые целлюлитные бёдра ошмётков своей одичавшей Перволюбви. И с каким-то маниакальным упорством нервно разлохмачивал сальные волосы, жидко пробивавшиеся с обтянутого жухлой кожей черепа своей столь неожиданной партнёрши.

В какой-то момент его накрыла тёплая сладостная волна, из глаз брызнули слёзы, и стремительно нахлынули воспоминания далёкого призрачного детства. Неистовый июльский ливень, гостеприимный Божий Храм, грозный старец с горящими глазами... Лик Господень, многозначительно взирающий с иконы... Снова, как когда-то, бросило в жар, и могучая страстная сила понесла его ввысь, к Эмпиреям.

«*Господи, господи, чудны дела твои! Услышь меня, неразумного! Призри Серафимово Крещение чудодейственное*», — зашептались сами собой неведомо откуда пришедшие слова. Порядком просроченное за годы бесцельного ожидания жизнотворное семя словно прорвало кондовую плотину разлагающейся повседневности и низвергнулось в тварный мир величественным водопадом (по сравнению с которым Ниагарский — не более чем куцый ручеёк на городском асфальте)!

Пашенька вдруг ощутил, что вся Вселенная, с неисчислимыми мириадами существ, извивается и стонет в его объятиях. Зримо и предельно явственно вдруг пригрезилось, что он — это и есть тот самый Огненный Логос,рывающий в творческом кураже Ледяной Мрак Предвечного Хаоса, томящийся в неизречённо-вожделенном ожидании.

Рядом с висками свистели стремительно несущиеся по своим загадочным космическим делам кометы, перед глазами ярко вспыхивали и рассеивались в пространстве млечные туманности... Божественный Универсум, как роб-

кий росток, с удивлением Первого Воплощения разворачивался из своего первоначального семени. Новорождённое Мироздание выталкивалось из незримого лона Пустоты, стонущей в исступлении Акта Творения.

...Внезапно напряжение этой величественной картины стало невыносимым. Павел почувствовал, что разлетается на крохотные пульсирующие частички, осыпаясь песком времени в океан предвечной мглы. И затем... Свет! Лучезарная вспышка в бесчисленное число солнц! А на фоне этого слепящего огня, лишь на один миг — огненная тень Уходящего-вдаль-Странника, оставляющего на нестерпимом сиянии расходящиеся радужные следы...

Дальше — провал, пустота, крошечное Ничто... Вечная ночь, леденящая своей мертвецкой инаковостью. Удушливый сырой Мрак, вспышка холодного свечения, и взрывающий изнутри избыток того, что несёт с собой первое дыхание... Такие родные, но давно забытые ласковые руки, окунающие в водную купель, дотрагивающиеся до лба, умащающие чем-то маслянистым и ароматным.

И голос... Всплывший из глубинных слоёв памяти, до боли знакомый: *«Крещу тебя, раб Божий Павел, во имя Отца...»* И затем — вкрадчивое шептание, как бы из каждой точки пространства: *«Повезло-ооо... Не достанется теперь никому, кроме Изначального. Узрел же таки Его! Хоть и Спину всего, но лицезреть сподобился! Теперь по высшему наущению будет дадено ещё раз в Грешный Мир народиться... Чтоб приблизиться к Изначальному алтарю, Милостью неизреченной».*

* * *

...Да, забыл упомянуть. Вообще-то в то самое утро Павел Владимирович умер во сне. Обычное дело — сердечный приступ, ну с кем не бывает? Кошмар, скорее всего, какой-нибудь приснился. Поэтому и трудно подыскать правдоподобную версию, каким таким образом происходил последний разговор в храме, а затем и поездка в соседний городишко. Ведь, если по уму, то всё это время наш остывающий герой находился на смертном одре, меж застиранных до дыр смятых простынок да диванных подушек с торчащими из них грязным поролоном. Пока законная вдова деловито дозванивалась в ми-

лицию и поликлинику для вызова на дом специалистов по освидетельствованию покойных. М-да... Туманная какая-то история, одним словом.

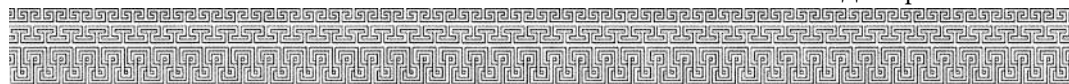
Кстати, через какое-то время не только в районной печати, но даже и по Центральному телевидению прошёл интересный сюжет: женщина родила мальчика в пятьдесят восемь лет. Но главное, на что делали акцент журналисты, так это то, что до родов счастливая мать «отличалась крайней степенью алкогольной зависимости и асоциального поведения». А тут вдруг резко стала набожной, никто просто узнать не мог. Говорит, что зачала от некоего сияющего ангела, который хоть и был с ней строг, да, мол, справедлив! (Охотники за летающими тарелками сразу же в привычных конспирологических страшилках заявили о подготовке инопланетного вторжения, а кое-где оставшиеся в живых тёртые коммунисты-атеисты заголосили об упадке научного мировоззрения на фоне усиливающихся клерикальных тенденций).

А новоиспечённая мать окрестила новорождённого... Причём по наущению каких-то таинственных голосов ездила для этого аж в сибирскую глушь, за тридевять земель. Вернулась — вся такая благодатная, с иномирным лучистым взором! *«Старец ветхий, схимник святой, окрестил моего ангелочка Павлушу, — рассказывала новоиспечённая мать с сияющими глазами. — Как увидел сыночка, так прижал по-отечески и молвил: чадо своё обрёл — хоть и внучатое, мол, но до боли знакомое. Теперь уже, говорит, не отпущу в косную мирскую безалаберность!»*

...А к теме счастливой пожилой родительницы вездесущие СМИ обращались ещё не раз — правда, всё больше в негативном ключе. Та же ведь стала странницей, каликой перехожей. С младенцем наперевес и с жаркой молитвой на устах слоняется по далёким монастырям, таскает первенца с собой на церковные службы.

Злые языки поговаривают даже, что простой народ исцеляться вот начал по её юродивым молитвам. Хотя, конечно, приличный батюшка такую богомолку до своего храма ни в жисть не пустит: без платка ведь канонического престарелая мамашка шляется. Ни в какую не соглашается соблюдать благостно-требовательное: ни под платок стыдливо свои космы спрятать, ни наголо их обрить — не желает, и всё тут! Лопочет лишь: *«Ангел, ангел нежный мне их растрепал. Каждый миг теперь его длань на своих кудрях чую. И*

в том — завет моего Спасения да искупления!» Ну, чё тут скажешь, тёмный народ, отсутствие высшего образования!

Кто не особо щепетильный в догматике да схоластике — глаза зажмурирует... Ну и склоняется к еретичеству мадонне за благословением. Исцеляется сперва, ну а уж потом, знамо дело, отмаливает этот грех свой. Как никак, контактировал с нечестивицей. А кто в законе да в каноне укоренён, тот ни-ни! Ведь что такое кровоточащий геморрой или ячмень под ясным оком по сравнению с мириадами веков мук адовых? Тьфу, забыть — плюнуть и растереть!

Ведь веру — во главу всего, что ни на есть, ставить надобно. Для одних она — традиция непоколебимая, сонмом святых угодников скрепленная да выстраданная. Для других — Вера Андреевна, жизнью измочаленная да похотью вытравленная. Но лоном преображённая, блудной дочерью в слезах да в восторге к Изначальному вернувшаяся.

Ну а третьим — загадочный круг, умом да чувствами непостижимый, на саму Вечность прямым замкнутый. Уход, возвращение... И снова расставание до срока. Пока Тайна животворящая, что в звёздном мраке разлита, не укажет на то, что словами передать и не дано никому...

